

— Все, сил моих нет, — заявила Мария и отбросила в угол тощую брошюрку.

Полковник Гуров, Лев Иванович, удивился, оставил бокал. Выходные шли так безмятежно, последняя премьера была неделю назад, принята блестяще до такой степени, что даже супруга — требовательная прежде всего к себе — заявила, что «вполне сносно».

И тут явное недовольство, более того... никак гнев?

Такую сдержанную, эмоционально устойчивую даму, как жена, во всем свете не сыскать. Следовательно, для подобной экспрессии должны быть серьезные причины. Было бы любопытно их узнать, но если начать задавать уточняющие вопросы, то нарвешься на грубость.

Разумное решение одно, апробированное годами брака: выдержать молча от несколь-

ких минут до пары часов, сохраняя вид вежливо-заинтересованный — и если что имеется, то оно прозвучит. Расчет оправдался совершенно: Мария, походив по столовой туда-сюда, как тигрица в клетке, презрительно посверлила огненным взглядом банальный законный пейзаж. Мельком глянула в зеркало, точным, единственно возможным движением поправила локон. Тяжко вздохнула. Подобрала брошюрку — лишь для того, чтобы шваркнуть на диван. Наконец, сняла с держателя бокал, щелкнула по нему ногой:

— Пусто, Гуров. Что, ворон считаем?

Лев Иванович, супруг опытный, храня одновременно полное, почтительное молчание при заинтересованном виде, поднялся, плеснул в хрусталь развязывающего язык колдовства.

— ...Распоследний мой враг не назовет меня придирчивой, непокладистой. Так?

— Абсолютно.

— И ты, как никто иной, в курсе, что я мирная женщина, способная многое понять и простить.

— И сие никаких сомнений не вызывает.

— Да. Мне категорически все равно, когда приходится ждать официанта полчаса,

колота в кастрюлю. Я выдерживаю очередь к банкомату, безмолвно терплю досмотры даже после ночных перелетов, пусть даже во Владивосток. Я, в конце концов, не ору, когда любимый супруг забывает в раковине бокальчик-другой-третий.

— Ты святая женщина.

Мария согласилась:

— Да, это верно, но не совершенно. Я никогда, никогда не смогу понять и простить, когда продюсер с серьезным видом на серьезных же щах вручает мне вот это, — произнесено с безразличным жестом, безошибочно увязанным к словам, — и таинственно утверждает, что «вот это» есть психологический шедевр, который будет ставить сам...

Она назвала самое громкое имя кинематографиста.

— Я звоню «самому», тактично интересуюсь, в самом ли деле он считает это, — жест повторный, с увеличенной долей презрения, — шедевром, достойной тратой времени. И он, представь, как о деле решенном: разумеется, старушка, само собой! Это, знаешь ли, будет бомба!

И замолчала.

— То есть дрянной сценарий, — пытаюсь зреть в корень, уточнил супруг.

Казалось бы, просто так спросил, резюмировал услышанное. Однако Мария, женщина-динамит, взвилась до небес:

— Да не сценарий это! Жвачка, пережеванная неоднократно, прилепленная в прошлом году к облезлой скамейке в парке! — Она, скривив губы, издевательски промямлила: — «На что способна обиженная женщина»... если дура, то сиганет с балкона, нет — столкнет сама. Кто смотреть это будет, решительно не понимаю.

— Смотреть на тебя будут, — напомнил Гуров, — а ты можешь все.

— Не все, — воспротивилась Мария, любительница точности, — хотя и многое. Вопрос в другом: почему я должна вытаскивать глупый сценарий? Ведь это то, что тысячу раз сыграно-переиграно и отпародировано до гладкого состояния! До лысины затертые идеи, события...

Дождавшись перерыва в потоке негодования, супруг указал на еще одно важное, по его мнению, обстоятельство:

— Любимая, видишь ли. В жизни-то не так, как у вас, это вы, творцы, теньям идеи придаете, а так-то под солнцем ничегошеньки нового не происходит. Сюжеты со времен

пещер и мамонтов — одни и те же: и жизнь, и слезы, и любовь.

Мария вспыхнула, от нетерпения аж пальцами прищелкнула:

— Умник! Киновед, историк искусства, ха! Ну давай, поведай мне, что со времен Шекспира не изменилось ничего.

— Нет, почему же, изменилось, — кротко подхватил супруг, — технически изменилось. Нужды нет ведьм изыскивать, в котлах зелья смертоносные варить. Хотя...

На этом пассаже требовалась интригующая пауза, и воспользовался ею Гуров мастерски, дождавшись, что Мария не выдержит, поинтересуется:

— Продолжение будет?

— Будет, хотя не факт. Плохое повторяется, вот хорошие события — они, бывает, не походят друг на друга.

Мария потребовала:

— Все, закончили с банальщиной! Или я лично сейчас внесу разнообразие в историю криминалистики.

С немалой долей мечтательности возвела глаза, проговорила, точно пробуя слова на вкус:

— Супруга-актриса в состоянии аффекта наносит тяжкие телесные мужу-важняку... А между прочим, так-с! Что-то в этом есть...

— Мотив? — поинтересовался Гуров.

Поразмыслив, супруга признала, что с этим у нее всегда туго.

— И не только у тебя.

— Оставим скучное, — предписала она, — может, и просто так, без причин.

— Такого не бывает.

— И пусть. Но видишь, тебя зацепило! — победоносно констатировала Мария. — Вот, начинаешь размышлять и сомневаться.

Лев Иванович деликатно заметил:

— Я в любом случае должен сомневаться и размышлять. Профессия такая.

— Значит, стóящая идея! А вот это, — вновь обличающий перст в злосчастную брошюрку, — не порождает ничего, кроме желания размять и пристроить в общественную уборную.

— Ну так возьми и придай пустоте смысл, — улыбнулся супруг, — тебе не привыкать. К тому ж и с жизненным опытом не поспоришь, даже заманчиво: первоначально все кажется предельно ясным, банальным, а на поверку выливается в неслабый такой компот.

— Нередко то, — с сомнением протянула Мария, но по выразительному лицу ясно было, что идея ее зацепила, — что кажется самоочевидным, имеет причины глубокие и такие серьезные, что...

— Нда-а-а...

И вновь после паузы Мария решила напомнить о себе:

— «Нд-а-а», и что? Что стрясется-то?

Муж отозвался, по-прежнему покладисто:

— Если будешь слушать, то стрясется. Что хочешь, то и будет. Или ничего, переживания, разочарования и гнев, или история о том, как банальщина показывает свои толстые замшелые корни в виде мандрагор. Есть желание?

И, получив заверение, что время потрясающих историй таки настало, начал так:

— При некоторых обстоятельствах звонит мне Сергей Зубков, участковый с поселка Мокша. Помнишь его?

— Как же, на редкость понятливый и милый мент-шофер, такой голубоглазый блондинчик, с щербинкой.

— Понятливый — потому что немедленно тебя узнал и выпросил автограф, а милый — потому что тотчас принялся мести перед тобой хвостом? — уточнил Гуров.

Она скорчила гримаску.

— Он самый, — подтвердил муж, улыбнувшись, — да, к тому времени он снова стал участковым. Уж куда делся предыдущий, мне неведомо, но рискну предположить, что послал все и вся к чертям и ушел в управдомы. Или в укротителя змей и крыс, что более возможно.

Мария потерла ручки:

— Погоди, погоди, Лева. Сдается мне, прямо сейчас будет правда жизни?

— Обжигаящая, — пообещал Гуров, — дистиллированная.

— Скучно, должно быть?

Подумав, Лев Иванович признал, что вряд ли.

Хотя...

ГЛАВА 1

— Итак, мы со Станиславом Васильевичем в поте лиц трудимся на месте происшествия. Крошечный городок, скорее даже поселок, потрясенный до фундаментов. Оцепление, расстроенные граждане, пожарные и газовщики. Кое-где зарождаются очаги негодования, это и понятно — ведь не приграничные территории, не Кремль и даже не Москва-Сити, и поди ж ты, рвануло среди бела дня.

— Даже так.

— Именно. В общем, идет нормальная работа. И тут мне на телефон поступает звонок со знакомого номера...

...Поселок городского типа Мокша (год основания — 1900-й) со времени окончания строительства железной дороги прозывается по одноименной станции означенной доро-

ги, та, в свою очередь, — от имени соответствующей речки.

Две тысячи восемьсот человек населения, узловая платформа, канал Москва — Волга. Две фабрики. Поскольку угораздило приезжих бусурман — немецких фабрикантов основать производство на Клинско-Дмитровской гряде, теперь поселок представляет собой сплошные горы. И в этой связи тоже проста, незамысловата тут жизнь человека: с утра под горку бодро — на работу, вечером, не без труда — в горку с работы.

Неестественная ситуация, вообще-то положено наоборот. Поэтому немалой популярностью пользуются небольшие заведения, реализующие подкрепляющие напитки. Их много, они разнообразны: и официальные разливайки, и те, что стыдливо прикрываются вывеской «кофе с собой», и частные шланбои самогонщиков, и, разумеется, стандартные магазины «у дома» с реализацией спиртного в любое время дня и ночи.

Обилие точек с горячительным обуславливает размеренность и патриархальность труда поселкового участкового, совмещающего в себе функции сомелье (иначе как расценить ценные рекомендации наподобие: ■ «не стоит, Иваныч, сегодня тебе водочку на

пивко укладывать»), и психолога («понимаю, непросто, но не повод же лупить монтировкой по окнам»), и медиатора («а теперь дружно ручки горе и разошлись по домам, иначе сделаю несчастье») и кого угодно.

Весь день имеет место спокойная, неторопливая работа, обходы и купирование стихийно образовавшихся казусов. Их, как правило, немного. С утра те, что возвращаются с ночных смен — с Шереметьево или со складов, — шалить не настроены, им бы доползти до кроватей и рухнуть. К вечеру же, особенно по пятницам, народ активизируется.

Дни выдаются иной раз насыщенные, особенно в теплое время, когда тянет на подвиги и походы. Но и тогда фронт работ предсказуемый: традиционная буза у магазина со спиртным, война и мир в отдельно взятой коммуналке, воспитательное внушение местному сопляку-зацеперу. Вот лишь возвращенные реалии вносят коррективы: все чаще приходится и участковому трещать по кустам, отлавливая знакомых закладчиков, делать тысяча первое китайское последнее предупреждение — и, натурально, отпускать.

Пока доскачешь с папочкой до лесополосы, где злодеи закладки распикивают — глядь, а там уж нет никого, а если и есть, то

на руках пусто, что у курьеров, что у «клиентуры».

Просто дети просто гуляют, а что глаза в разные стороны — так это надышались воздухом с непривычки (и вообще, что вяжете, в кои-то веки ребенок из-за компьютера на пробежку встал), а что пакет с порошком под старым пнем — так то еще зловредный ганс в сорок первом потерял. В этом направлении помогает лишь почаще мелькать дружелюбным призраком и ныть мужикам из ППС о том, чтобы патрулировали по просекам, местным садовым товариществам и по вырубкам под линиями ЛЭП.

Вот, еще в свете последних событий приходится шарить по чердакам и подвалам в поисках тех самых подозрительных предметов, о которых, не трогая, надлежит немедленно сообщать в полицию. Поступают сигналы бдительных старушек и молодых остроглазых мамаш — и это правильно, времена такие, что лучше пере-, чем недобздеть.

Так-то поселок Мокша тишайший, с учетом того, что имеют место два производственных предприятия, хостелы для приезжих, оживленный транспортный узел. Или, может, и благодаря.

Те, кто предпочитает трудиться в столице, отчаливают с места регистрации с первыми петухами, возвращаются поздно, и сил хватает лишь доползти до кроватей. Патриоты, трудящиеся на местном производстве — легендарном Мокшанском снаряжательном заводе и фабрике электрокомпонентов, — сутки-трое отпахав, предпочитают выпить по чуть-чуть, ровно столько, чтобы вползти на родную горку и тоже улечься спать.

Немаловажно и то, что все друг друга знают чуть не с роддома, чужаки в коллектив вливаются с трудом, спустя год-два, а то и десять, а до того они все на виду как на ладони. Ясное дело, трудящиеся с братского Востока, обитающие тут, в хостеле, или снимающие квартиры, при всем желании за своих не сходят, и потому их маршруты изучены до метра, а любое отклонение порождает сигнал участковому.

Мокшанский же участковый уполномоченный, младший лейтенант Зубков Сергей Юрьевич — чуткий и внимательный, грамотный сотрудник... ладно, ладно, все куда проще. Дело не столько в деловых качествах, не в чуткости или, там, особом умении кому-то в душу влезть. Скорее, в том, что для населения он никакой не товарищ участковый, а

Сережа, Серега, Юрьич (зависит от возраста обращающегося), свой в доску, мокшанский во всех обозримых поколениях. (Возможно, кто-то из пращуров и был пришлым, но за давностью лет простительно.) Главное то, что Зубков свой, ему доверяют и охотно сотрудничают.

К тому же он обладает множеством качеств, для участкового необходимых: колоссальное терпение, умение ждать, миролюбие, неявное упрямство, умение слушать. К тому же белобрысый, курносый, улыбчивый, щербатый, глаза синие-пресиние, понимающие и чистые, как у умной дворняги — внешность у него весьма удачная, для женского пола приятная и не раздражающая мужской.

Есть лишь один момент, который создает напряжение между своим в доску участковым и населением, — это поля гаражей. Собственно, это не столько гаражи, сколько сараи. Или доты, если судить по крошечным оконцам под крышами этих приземистых строений.

Гаражей-сараяев море, они занимают площадь, сопоставимую с третью всего поселка. Сплошное поле. Торчат, как поганки, иные свежеразкрашенные, другие — брошенные, замшелые, уродливые, с крошечными входа-

ми-амбразурами, и между ними петляют извилистые проходы, не все проезжие. Линия Маннергейма подмосковного пошиба.

Происхождение этой частной собственности туманно. Известно лишь то, что с незапамятных времен подобные сараи выделялись трудящимся. Конечно, не для размещения личного автотранспорта, столько его тут отродясь не было, и в стандартную дверь не проедет ничего, кроме не особо рогатого велосипеда или мопеда. Скорее, это кладовка для различного хлама. Поселок застроен бывшими фабричными казармами, переделанными под жильё, и пятиэтажками, балконы есть не у всех. Так что в этих гаражах хранят кто картошку, кто самогонку. Соленья складируют из года в год, сваливают хлам, который жалко выкинуть. Некоторые сараи переоборудованы под «дачи», в которых по пятницам-субботам жарят шашлыки, распивают по-тихому. Тут же ночуют мужики, выставленные с места прописки за пьянку, — и такое бывает, но нечасто, планировка не позволяет. Стандартный размер такого «гаража» — четыре на пять, если не позаботился прирезать сарай давно помершего соседа или просто растяпы.

Вот такой шанхай на Серегинной территории. Более того, вопрос о том, кто хозяин того или иного сарая, неисследованный и больной. Кому-то они объективно принадлежат, ведь чьи-то руки их красят, косят наступающие кусты-травы, обороняют от чужих посягательств.

Ведь сколько раз покушались на эти строения. Пытались снести, расчистив площадку для новостроек под расселение — дело чуть не кончилось бунтом, после чего вопрос похоронили.

На заре возрождения производств ушлые капиталисты, установив путем наблюдения гаражи заброшенные, попытались организовать тут общаги для своих рабов.

Подогнали уже автобусы, выгрузили народ с матрасами — и тут сараи, которые во все остальное время были поводом пособачиться между собой и с участковым, дали повод сплотиться.

Органы правопорядка в лице Зубкова и равнодушное население в лице немедленно появившихся хозяев решили миграционный кризис менее чем за полдня: упоминания о депортации в двадцать четыре часа оказалось ■ достаточно для того, чтобы пришельцы дали